

Катюха Здраве

Владыка войны

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Катюха Здрате Владыка войны

<https://litres.ru/73446713>

SelfPub; 2026

Аннотация

Здрате! Эта история о любви и страсти!

Она - юная, с задиристым характером, а он романтичный и огромный эльф, который не скрывает своих чувств. Она - Война, Он - Магия. Что может пойти не так?

Катюха Здравсте Владыка войны

Таверна была переполнена людьми, гоблинами, дворфами и другими жителями этого мира. Серые моря – некая помесь горгульи и человека – с подносами сновали между крепких дубовых столов, разнося пиво, вино и мясо, ароматно дымившееся на подносе. Горели мотыльки магического света, а закат с улицы бросал свет через окна.

Дым в таверне «Свинцовый вебрь» был густ и едок, пах табаком, пивом и потом закаленных в боях мужчин. Сюда, у подножия своего замка, в главном городе Империи Битвы, Рагна, Владыка Войны, навевывалась почти каждый вечер. Здесь она могла не править империей на троне из черного базальта, а быть просто капитаном отряда, пусть и с божественной кровью в жилах.

Ей было сто сорок три года. Для смертного – немислимый срок, для Владыки – юность, граничащая с детством. Она вступила на трон в сто двадцать шесть, унаследовав его от отца, павшего в легендарном поединке с Левиафаном Пустоты. И империя, славившаяся своей вспыльчивостью, прямолинейностью и лучшими наемниками, стала ее наследством. Царством закаленной стали, выщербленных щитов и саг о подвигах. Здесь ценили силу, честь и справедливость, выкованную на острие меча. А все остальное... было лишним.

Рагна сидела, откинувшись на стуле, попивая темное, горькое пиво и с удовольствием откусывая огромные куски от стейка жареной гидры. Ее рыжие, длинные до пола локоны, больше походившие на конскую гриву в огне, были стянуты у затылка простым кожаным шнурком. Она была одета в легкие, кожаные доспехи, ремнями затянутые на ее худом теле и смотрелась подростком, среди быков, со своим скромным телосложением. Высокий воин в потертой кожаной куртке горячо разговаривал с ней, размахивая кружкой.

– ...и вот, представьте, она ему: «Моя судьба, мое солнце!», а он, простите, чуть ли не в штаны от счастья наложил. И это – наш прославленный Брегой! В итоге ушел на покой, уже третьего малыша родили. Оставил он битвы и славу, теперь всем рассказывает, что это его самое достойное завоевание.» – он хрюкнул и многозначительно приподняв брови отпил из кружки.

– Да не – Рагна фыркнула. Все за столом тут же посмотрели на нее. Ее воины, закаленные битвами, выдавшие тысячу смертей, смотрели на свою молодую, пьяную, госпожу с обожанием и каплей страха.

– Чувства, – произнесла Рагна, и ее голос, тихий и хриплый, был пьян, а язык не особо слушался. – Слабость, которую только глупцы, воспевают на равне с подвигами. Ни кто в своем уме не будет плестись за юбкой или штанами.

Она перехватила огромную кружку с пивом другой рукой, и ее тонкие пальцы с ободранными костяшками выхватили

кинжал на поясе, начав его крутить в руке.

– С чего столько суеты вокруг этого? Наш вечный и, казалось бы, бесчувственный Владыка Смерти – она икнула –, тысячами лет все ищет этот «Зов души», свою «судьбу». – Она выплюнула слово «судьбу» с таким презрением, что кусочек мяса гидры вылетел из ее рта на середину стола. – И что? Что в припадке этого великого чувства он будет делать? Он сама смерть, его зверь пугает даже звезды, а он будет петь серенады? Он думает, что проклят, а я скажу... – она уронила голову на грудь и тут же подняла – Я СКАЖУ, это и есть свобода!

Она окинула своих людей мутным взглядом. Поток умо-заключений было не остановить.

– Мой отец правил тысячи лет, а после встретил мою мать, – она икнула, взгляд туманился все сильнее, – в преклонном возрасте. Но Слава Оружию! Он не забыл про битвы и славу, – она снова икнула, – и погиб сражаясь! А не в теплой постели! Молодость надо тратить на драку.

Воин, что говорил до нее, смущенно хмыкнул и начал наливать себе еще:

– Но, госпожа, говорят, зов не спрашивает, говорят, что Владыки в любимых обретают себя и сопротивляться этому невозможно – он отвел взгляд в сторону, словно что то вспоминая. – Когда Владыка Любви искал свою вампиршу, небеса и Вечный предел содрогались!

Рагна смотрела на него презрительно-пьяным взглядом:

– Нет уж. Пусть другие теряют головы из-за каких-то там любимых, предназначенных судьбой. Мое сердце бьется быстрее лишь в двух случаях: когда я чувствую запах свежей закалки на стали и когда слышу предсмертный хрип своего врага. Все остальное – ненужный шум. Сопли, прикрытые красивыми словами. – И она, снова икнув, отпила из кружки.

Старый дворф, воин с бесчисленными шрамами на лице сказал:

– Госпожа молода и еще не знает, что сердцу не прикажешь и найти свою вторую половинку – это удача. – сказал он наставнически.

– Дагран, да ты гонишь, я целая и пока еще ни одной половины себя не потеряла – она прокрутила кинжал на ладони, и продолжила заплетающимся языком – но части других, бывало, терялись рядом со мной.

И легким движением запястья она вонзила свой кинжал в деревянную столешницу. Лезвие вошло беззвучно, по самую рукоять. Мора, проходившая мимо с подносом, подпрыгнула от неожиданности.

И всё вокруг взревело от смеха, и Рагна тоже, запрокинув голову, засмеялась.

Глоток вина обжег её горло приятным жаром. Она с размаху подняла свою кружку вверх, и ее хриплый и пьяный голос, пробиваясь сквозь гул, прокричал:

– ЗА БИТВЫ И СЛАВУ!

Ей тут же рявкнули в ответ десятки глоток, и старый

дворф, Дагран, с шрамом через глаз затянул, веселую похабную песню о походе на Огненные Горы. Ее подхватили, затопали ногами, застучали кружками по столам. Рагна, раскачиваясь на стуле в такт, орала песню вместе со всеми, чувствуя, как хмельная волна накрывает ее полностью. Вот оно, настоящее счастье. Братство. Сталь. Песня.

Именно в этот момент, когда она особенно энергично качнулась назад, дверь таверны с грохотом распахнулась.

В дымное марево ударили ослепительные лучи заходящего солнца, освещая ореолом три высокие, застывшие на пороге фигуры.

Гул в таверне стих, словно ножом срезало. Все взгляды устремились на дверь. А Рагна, потерявшая в этот миг равновесие, с громким треском упала на липкий от пива пол.

– Да в рот вам ноги! – прохрипела она, отчаянно ругаясь, но больше от досады, чем от боли. Пьяная и все равно довольная, она попыталась подняться, оттолкнувшись от пола, как вдруг чья-то рука мягко, но уверенно поддержала ее под локоть, помогая встать.

Она повернула голову, чтобы огрызнуться на какого-нибудь заботливого смертника, и... застыла.

В нос ударил странный, непривычный аромат – тонкое, горьковатое табачное облако, смешанное со сладким, пьянящим душиком перезрелой вишни. Перед ней стоял эльф. Высокий, статный, крупного телосложения, с волосами бе-

лее зимнего снега, спадающими прядями вперед и фиолетовыми, как сумерки, глазами, словно светящимися внутри. Его черты лица были до неприличия идеальными, прямой нос, тонкие губы, будто выточенные из мрамора разборчивым скульптором.

Рагна смотрела на него, открыв рот. Ноздри снова предательски защекотало обволакивающим ароматом. Она сморщила нос, судорожно вдохнула и... чихнула. Громко и бесцеремонно облако влаги окутало незнакомца.

Эльф даже не моргнул и продолжал смотреть на нее без единой эмоции на прекрасном лице. Она – на него. Он – на нее. Вся таверна – на них, в немом ожидании.

Пытаясь вернуть себе хоть каплю достоинства, Рагна хрипло произнесла, смотря прямо в глаза эльфа:

– Ушастый, ты воняешь.

– Воняю? – эльф удивленно поднял брови – Но я... – он не успел договорить, Рагна перевела взгляд на его руку, все так же, заботливо, придерживающую ее локоть, перебила его.

– У тебя грабля лишняя? – она икнула.

– Но я просто... – он опять не успел договорить, её неудержимо стошнило. Прямо на его безупречную, расшитую серебряными нитями, мантию, белоснежного цвета. Которую она и оценила, выплеснув на неё все, что уже не могло держаться внутри.

– Не плохой халат, где брал? – она пыталась сфокусировать взгляд на серебряных узорах.

Удивление в глазах эльфа нарастало, и он лишь поднял изящную бровь. На его камзоле расплзлось пятно неопределенного цвета.

– Леди плохо себя чувствует? – низкий голос звучал с тревогой, которая странным зудом отзывалась во всем её теле.

Пока Рагна пыталась сфокусировать взгляд на нем, он любовался ей: огромные, дикие глаза цвета весенней листвы, россыпь веснушек на переносице, прекрасный носик пуговкой, алые, пухлые, нагло улыбающиеся губы, немного детские и мягкие черты лица, которые так контрастировали с таверной и алкогольной зависимостью. Прядь рыжих волос выбилась из тугого хвоста и падала на щеку. Если ангелы и существовали, эльф не видел никого, кто был бы так похож на них – если, конечно, можно представить ангела, сошедшего с неба, а потом и с ума.

Все еще пошатываясь, она инстинктивно вцепилась в его белоснежные, длинные волосы, чтобы удержаться на ногах.

– Все нормально, – она вытерла рот тыльной стороной руки. – И если ты отпустишь локоть и свалишь на хрен, будет совсем хорошо – она подавила желание икнуть.

– Но если я отпущу, вы упадете, – констатировал он, глядя на нее своими фиалковыми глазами.

– М-да, – протянула Рагна, задумчиво дернув его за прядь. – Делема.

Для равновесия она ухватила за другую прядь, спадающих волос, притянув его лицо чуть ближе.

– Как твое имя, ангел? Ты здесь по своей воле? – сказал он, зачарованный ей, рукой прикоснувшись к ее щеке. Спутники за его спиной переглянулись. В царившей тишине где-то упала бутылка, а кто то и в обморок. Эльф вопросительно кинул взгляд в сторону, люди и нелюди были в ужасе.

Она на мгновение запрокинула голову, и эльф, затаив дыхание, наблюдал изящную линию шеи, почти фарфоровую кожу, расслабленные алые губы, глаза прикрытые пышными, огненными ресницами. Он любовался этим хрупким, божественным созданием, не понимая, как оно оказалось в этом дымном свинарнике.

Она запрокинула голову...

И со всей дури двинула ей вперед, разбив ему нос своим лбом. Держась за его волосы, как за вожжи, она использовала их для усиления удара.

Эльф ахнул и отшатнулся, зажимая нос, из которого уже струилась алая нить, раскрашивая его белоснежную мантию. Но Рагна уже распалилась. Левой рукой она схватила свою массивную кружку и двинула ею по его левой щеке. Хруст был сочным и многообещающим – намечался дефицит кальция во рту. Несколько зубов вылетело на пол, с веселым звоном убегая по доскам.

От силы удара эльфа развернуло, и он рухнул на пол с изяществом срубленного дерева. Рагна, пыхтя от возбуждения, уже хватала тяжелый дубовый стул за спинку, с ясным и чистым желанием угробить ушастого на месте. Она проревела:

– Ты вздумал шутки шутить? На меня эти зелья не работают.

Он, полуоглушенный, инстинктивно прикрылся руками, а двое его спутников, до этого застывших в ступоре, ринулись на его защиту, пытаясь выхватить стул и произнося могущественные заклинания контроля. Но в таверне «Свинцовый вепрь» своих в обиду не давали.

С криком «НАШИХ БЬЮТ!» десяток воинов, с пьяными и счастливыми лицами, обрушились на эльфов.

В таверне началась вечерняя потасовка. Стулья полетели вдребезги, стекла зазвенели, а кто-то уже весело затянул песню: «ЭЙ, АРТУР, НА-КОРМИ-ИХ КИРПИЧОМ!»

Элентуар

Сознание возвращалось к нему медленно и неохотно, как пьяный инкуб на утреннюю молитву. Первым пришло обоняние: густой аромат лечебных трав, смешанный с медным привкусом крови и едкой нотой какого-то антисептика. Потом- слух: тихие стоны, скрип кроватей, бормотание знахаря. И наконец, боль. Всепроникающая, торжествующая, будто каждый мускул в его теле выл.

Эльф по имени Элентуар осторожно приоткрыл веки. Голова раскалывалась. Но прежде чем он смог сфокусировать взгляд на потолке, перед его внутренним взором всплыл образ. Яркий, как удар молнии.

Она.

Как она, неловко вытерла рот тыльной стороной руки после того, как её стошнило. Этот жест, полный такого дико-го, неприкрытого пренебрежения к любым приличиям. Как она, будто лаская, тянула его за волосы, чтобы не упасть. И самое главное – ее лицо. Немного детское, с пухлыми губами и веснушками, искаженное неистовым, чистейшим зверством, когда она замахивалась на него стулом. В ее глазах горел священный огонь тотального, апокалиптического разрушения.

Божественная. Невообразимая.

На его избитом, распухшем лице, сквозь боль, медленно расплзлась блаженная, идиотская улыбка. Это было больно. Это было сладко.

Он тихонько приподнялся на локте, испустив стон, достойный воскресающего умертвия и окинул взглядом палату.

Каменные стены, большие окна, много света и белой ткани, куча эликсиров рядом с его постелью.

Магический, целебный, свет веселыми зайчиками играл на десятке коек, расставленных вдоль стен, где в унисон постанывали его спутники и несколько особо отличившихся в драке пьяниц из «Свинцового вепря». У одного воина из-под повязки на голове торчали куриные перья, видимо, попавшие туда в суматохе. А может и курицу примотали, кто их знает.

И в этот момент, в этом хаосе, со сломанными ребрами

и явно отбитым чувством самосохранения, Элентуар осознал ЭТО. Его жизнь, прежде размеренная и прекрасная, как стих, написанный серебряными чернилами, вдруг наполнилась всесокрушающим, оглушительным смыслом.

Сквозь туман боли и наркотических отваров, до него доносился тихий, настойчивый, и благословенный *Зов*. Тот самый, о котором твердят легенды. Тот, что сводит с ума и переполняет счастьем.

Владыка Магии, Элентуар, столетиями вглядывавшийся в ткани мироздания, наконец-то услышал его. И это был не нежный шепот судьбы. Это был оглушительный рёв, пахнущий дешевым вином, рвотой и обещанием неминуемого насилия.

Ее сила! Не заметившая его магию, кто она? Он знал ответ. Такое под силу только одной девушке во множестве миров, Владыке Войны, молодой и недавно взошедшей на трон, Рагне.

Он закрыл лицо руками.

Все вставало на свои места, то почему его так потянуло гулять вечером вокруг замка, почему он оставил своих послов и герцогов, с которыми приехал на заключение новых договоров между мирами, почему его так потянуло зайти в ту таверну, вопреки любому здравому смыслу. И он планировал остаться на ночь в квартале удовольствий. Но теперь...

Элентуар щёлкнул пальцами. По его телу пробежала волна целительной магии. Сломанные рёбра вставали на место,

ссадины затягивались, оставляя после себя лишь чистую кожу. Он намеренно оставил один, тёмно-лиловый синяк под левой скулой – как память о её нежном прикосновении кружкой.

Собственно, в десяти мирах эльфы были известными извращенцами. Настолько прекрасными снаружи и настолько болезненными на всю голову внутри, что многие цивилизованные расы их откровенно сторонились. Они видели цель и не видели препятствий, заключая союзы с троллями, вампирами, гномами и кем угодно, кто казался им... «прекрасным созданием». Безупречные внешне, они ценили нечто внутри, невидимую простым глазом изюминку, которую называли Аэлنديэль – звездная любовь. Говорили, что в их браках рождались только эльфы, даже если второй родитель был, к примеру, ожившим умертвием. Не все, конечно, понимали такие союзы, но эльфов мнение посторонних волновало чуть менее, чем никогда.

Элентуар, бодро и оживленно, встал с постели и отряхнул свою, теперь снова безупречную, мантию. Знахарь, молодой гоблин, явно недавно окончивший академию, сразу бросился к нему, но Элентуар выдвинул руку перед собой и заявил:

– Я более не нуждаюсь в помощи. Благодарю за... гостеприимство.

Он подошёл к своим спутникам. Те лежали с мрачными, лицами, периодами шурясь от боли, и провёл рукой над каждым. Их раны затянулись в мгновение ока, вызвав еще более

жуткую волну стонов и криков. Элентуар никогда не обезболивал магию исцеления, считая это извращением над природой. Боль, должна быть болью. Знахаря передернуло и он активно засуетился рядом, не понимая, что происходит.

– Так господин целитель? Странная магия... Я все равно должен записать ваши имена, Владыка сказала, что вы должны покрыть ущерб, причиненный таверне и достопочтенному Багбагру.

– Таверне и Багбару? – Элентуар удивленно посмотрел на гоблина, – Ущерб был причинен именно таверне? И сколько?

Гоблин спешно подбежал к столику у входа в помещение лазарета, и из под зелий достал бумагу, после чего так же бегом принес ее Элентуару. На ней было записано не меньше пятидесяти пунктов: стул, окно, стол, последним пунктом было «испорченный вечер», а в самом низу стояла роспись «Владелец таверны Багбагр»

– Встаём. У нас дела. – не отвлекаясь от чтения сказал он и двое его спутников, один из них советник по внешней политике Андир, а второй, посол империи войны Исалан, со стонами и вскриками начали садиться на постели.

Попутно он достал из воздуха мешочек серебряных монет, и положил их, вместе с бумагой на столик, гоблин с поклоном забрал их и спрятал в складки своей одежды. Андир сощурившись сказал:

– Какая наглость. С нас трясут деньги, хотя даже не мы

начинали драку.

– Не важно кто начинал драку, – равнодушно сказал гоблин – платит тот, кто не смог уйти сам до прихода целителей, так что спасибо за оплату, мы ждем вас снова. – он опять поклонился. Андир вздохнул и ощупал ноющую, но вставшую на место челюсть.

Они молча поднялись и не спеша вышли из лазарета, сопровождаемые взглядом гоблина, и тут же начавшего тщательно выводить буквы в книге учета.

Тишина, царившая между ними, была густой и многословной. Она звенела в ушах громче любого сказанного слова, пока они неспешным, немного неуверенным шагом покидали стены лазарета. Здание лазарета для "любителей" располагалось по соседству с «Свинцовым ведром» – что было до боли логично и давно превратилось в местную достопримечательность: постоянные клиенты таверны столь же регулярно становились и постояльцами лазарета, создавая бесконечный цикл веселья и врачевания.

Ночной воздух, холодный и чистый после душной, пропитанной травами и болью больничной палаты, обжёг лёгкие. Элентуар шёл, слегка прихрамывая, но с высоко поднятой головой, его взгляд был устремлён в звёздное полотно, раскинувшееся над спящим городом.

– Владыка... – нарушил молчание Андир, всё ещё вполголоса бормоча заклинания. Магические нити обезболивания и защиты обвивали его, затягивая синяки и снимая острей-

шую боль, – Что произошло? Почему магия не подействовала на ту... дикарку? Значит она... – он вдумчиво замолчал, не решаясь выговорить очевидное, но немислимое.

– Она моя Аэлендиэль, – выдохнул Элентуар, и в его голосе не было ни тени сомнения, лишь мечтательное, почти блаженное благоговение. Он вглядывался в звёзды, как будто ища среди них её черты – огненные волосы и веснушки, рассыпанные по лицу.

Исалан, с трудом разгибая поясницу, искалеченную в той хаотичной драке, горько усмехнулся. Звук был сухим и усталым.

– Кто бы мог подумать, что у Судьбы столь скверное, поистине гротескное чувство юмора. Она изощрённо издевается над нашей расой. Один лишь запах той девчонки, мог бы сбить с толку десяток некромантов. – Он покачал головой, сминая в пальцах листок лечебного дымника, его запах успокаивал нервы. – Сколько, интересно, душ она отправила к предкам?

– И это говорит эльф, счастливо связавший себя узами брака с русалкой? – поддразнил его Андир, легонько толкая товарища в бок, стараясь снять напряжение.

– Но я люблю её, – сокрушённо и уязвлено ответил Исалан, и в его глазах вспыхнула неподдельная боль. – Как же мне быть, если я люблю её? Разве можно выбирать любовь? Она не рыба, она русалка и...

– Вот и я о том же, – прошептал Элентуар, обращаясь ско-

рее к ночи, чем к ним. – Вот и я...

Он шагал по пустой, залитой лунным светом улице. На улице была глубокая ночь. А на утро назначен официальный приём у Владыки Войны. Нужно было возвращаться в замок и готовиться к нему.

Готовиться к встрече с этим хрупким, нежным созданием с душой урагана и ударом, как у взбешённого единорога. Элентуар думал лишь о том, как вновь увидеть огонь в её глазах – даже если этот огонь будет полыхать ненавистью и желанием его прикончить.

Рагна

Покои Рагны были святилищем практицизма и военного аскетизма, больше похожим на штаб. Свет скупо пробивался сквозь узкое, похожее на бойницу окно, выхватывая из полумрака голые каменные стены. На них висели не картины в золоченых рамах, а тактические карты земель, испещренные яростными пометками, и разномастное оружие: от отточенных боевых секир до дубинок с зазубренными шипами. В углу грудились огромные сундуки с доспехами, из-под крышек которых выбивались наручи и наплечники, не желая уместиться. Воздух был густым и стоячим: перегар вперемишку со стойким духом пота, металла, кожи и приторно-сладким амбре от подгнивших фруктов на закуску.

Рагна лежала на гигантской кровати, больше похожей на

плацдарм для штурма. Она обхватила голову руками, чувствуя, как череп вот-вот расколется по швам, а каждый удар сердца отзывался в висках раскаленным молотом. Её взгляд, полный немой мольбы, упал на глиняный кувшин с водой, стоявший в мучительном метре от кровати на простом, зарубкованном столе. Но кувшин не проявил ни малейшего сострадания и не подошёл к ней сам. Со стоном, похожим на предсмертный хрип, ей пришлось подняться и сделать этот мучительный шаг. Она была полностью одета в свою походную кожаную броню, пропахшую дымом, пивом и потом, – видимо, так и свалилась спать. Выпив воду залпом, она с силой швырнула кувшин в стену. Глиняные черепки с сухим треском присоединились к прочему хламу на полу.

Вспышка чувства на руке обожгла кожу. Белые волосы. Прикосновение к ним и наглая рука, касающаяся ее лица.

Она мотнула головой, начав расстегивать ремни на кожаной броне, и пройдя к двери из покоев, вышла в коридор. Стража у дверей вытянулась по стойке смирно, Рагна направилась в купальню. Её шаги гулко отдавались в каменных лабиринтах замка, высеченного в сердце неприступной горы. Вместо ковров под ногами лежал камень, а в нишах вместо светильников тлели угли в железных жаровнях, от которых вверх тянулись сизые, едкие дымки. Воздух был холодным и влажным, пахнувшим сыростью, вековой пылью и чем-то ещё – горьковато-сладким, духом древней магии крови, вплетенной в самую кладку и в ее вены.

Дверь в купальню представляла собой тяжелую свинцовую плиту, сдвинуть которую можно было лишь плечом. Она толкнула её, и та с низким скрежетом открылась.

Помещение было огромным и тонуло в полумраке. Свет проникал лишь через несколько таких же бойниц, сквозь которые солнечные лучи падали на чёрную, неподвижную воду каменного бассейна, высеченного прямо в полу. Вода в нем была ледяной, набранной из подземных горных источников. По стенам струилась влага, порождая склизкие налёты мха и солей, а с высокого сводчатого потолка свисали сталактиты, с которых с равномерной периодичностью падали тяжелые капли, разбивая тишину эхом одиноких бульков.

Рагна, не глядя, скинула с себя потную, прилипшую к телу кожаную броню. Одежда с глухим шлепком упала на камень. Она осталась стоять в центре пещеры, худощавая и испещренная шрамами и рунами крови, как картой былых сражений. Её бледная кожа покрылась мурашками от колкого воздуха, а длинные волосы мантией облепили тело, свернувшись кольцами на полу.

Сделав резкий выдох, она шагнула вперёд и рухнула в чёрную воду. Ледяной шок обжег кожу, выгнал из легких остатки воздуха и похмелья одним разом. Она задержалась под водой, позволив холоду сжать виски и начисто выжечь из сознания всю вчерашнюю дурь.

Через несколько секунд она вынырнула, фыркая и протирая лицо. Рыжие волосы стали темными от воды. Не чув-

ствуя холода, и с ясной, почти звериной радостью в глазах, она принялась скрести тело грубой, сдирая с кожи не только грязь, но и остатки слабости.

Впереди было утро с послами и заключение новых договоров. Вчерашняя драка приятно отзывалась лёгкой болью в сбитых костяшках пальцев. И вдруг, среди холода воды и сырости камней, к ней вернулся тот запах – табак и спелая вишня. Её губы сами собой тронула улыбка. И она снова, до дрожи в кончиках пальцев, захотела потрогать его волосы. Сильнее. Дольше. И, чёрт побери, *ближе*.

Осознание ударило, и она тряхнула головой вновь, будто пытаясь сбросить наваждение. Замерла, копаясь в собственных мыслях... Что это?

«Зелье! Конечно, зелье», – яростно подумала она, продолжив мыться, с силой проводя губкой по коже, словно стирая следы той мгновенной, предательской слабости. Всё стало на свои места. Это был не какой-то там дурацкий «Зов». Это была уловка. Ушастый чертов алхимик, наверняка использовал какой-то изощренный, настоявшийся на иллюзиях реагент. Не зря он так пах – этот дурацкий, прилипчивый аромат табака и вишни. Он не просто вонял, он был ядом для разума, который ударил ей в голову, пока она была пьяна и уязвима. Именно поэтому она чуть не... не... *не... Поюхла его волосы?*

Она снова застыла.

Мысленно перебрала известные ей зелья. «Сердце эль-

фийки»? Нет, слишком цветочный аромат. «Флейта сновидца»? Слишком тонкий, действует во сне. А вот «Настой Бездонных Чувств»... Говорили, он пахнет тем, чего ты желаешь больше всего, и лишает воли. Но её желания были просты и понятны: сталь, победа, хрип врага. При чём тут эти дурацкие волосы белее снега?

Мысль о том, что он осмелился применить против неё алхимию, заставила её кровь вскипеть приятной, чистой яростью. Он достоин её гнева. Это удар ниже пояса. Кровь Владыки Войны, чистая ярость, она сжигала любую магию на подходе. Но алхимия... это была серая зона самых разных ядов. И он нашёл лазейку. Он *отравил* её, подсунув ей этот навязчивый, пьянящий образ.

Вылезая из бассейна она выглядела как разъярённая кошка.

Подхватив грубое холщовое полотенце, и не обращая ни малейшего внимания на собственную наготу, босиком, она вышла из купальни. Мокрые следы её ступней оставались на холодном камне коридора, пока она быстрым, энергичным шагом возвращалась в свои покои.

В опочивальне уже кипела работа. Несколько безмолвных слуг, двигались бесшумно, словно призраки. Один сгребал в кучу осколки разбитого кувшина, другой сметал пыль и сор, третий накрывал на массивный дубовый стол. На нём появились простые, но обильные яства: грубый хлеб, жареное мясо, яблоки, сыр с плесенью и, конечно, внушительные кув-

шины с вином и пивом.

Рагна, не теряя темпа, подошла к столу. Она на ходу подхватила двумя пальцами толстый ломоть мяса, откусила и, прожевывая, второй рукой схватила яблоко. Хруст был громким и удовлетворённым. Пока она ела пищу, её взгляд упал на стойку, где висели её чистые доспехи. Бросив недоеденный кусок обратно на тарелку с таким видом, будто только что подписала ему смертный приговор она начала одеваться в практичную броню.

Это была не парадная латная броня, а её вторая кожа – выверенные в сотнях стычек доспехи из обработанной чернильной пропиткой кожи горного йети. Быстро прожевав она начала облачаться с привычной, доведённой до автоматизма скоростью.

Как раз в тот момент, когда она защёлкивала последнюю пряжку на наруче, в дверь постучали и вошёл – старый Морген, её советник и генерал северного войска, человек с лицом, как смятый пергамент, и пронзительными глазами.

– Битв и славы, Владыка, послы Изумрудного Мира в зале переговоров, планируется заключение новых договоров на поставки магических артефактов и оружия, на следующие пятьдесят лет – произнёс он ровным, лишённым подобострастия голосом.

Рагна лишь кивнула, закончив с доспехами. Она подошла к зеркалу из отполированной стали, висевшему на стене. Свои рыжие, всё ещё влажные волосы она с силой собра-

ла в тугой, высокий хвост на затылке, затянув его простым кожаным шнурком так, чтобы ни одна прядь не лезла в лицо. Она окинула себя быстрым, оценивающим взглядом: воин, готовый к бою. Ни намёка на ту дуру, которую час назад тошнило и мутило от какого-то парфюмерного наваждения.

– Отлично, – хрипло бросила она, поворачиваясь к двери.
– Не будем заставлять послов ждать. Пойдём, Морген.

И она вышла, ее сапоги уверенно ступали по каменным плитам, а взгляд снова был ясен и полон холодной, стальной решимости.

4 Глава. Первая Встреча

Владыка Магии сидел в зале переговоров, стараясь придать своему лицу выражение надменного спокойствия, подбающего его статусу. Он не спал всю ночь, ожидая встречи и собирался все утро. Внутри все пело и трепетало. Он чувствовал ее запах – уже не перегар и дешевое вино, а чистый, ядреный аромат стали и неукротимой воли.

Шаги за массивной дубовой дверью отдавались в его ушах, словно удары сердца гиганта. Он не удержался и обернулся, с интересом ребенка, ждущего праздника и подарков, посмотрел на двери.

Рагна открыла ее с ноги и та открылась с грохотом, не дождавшись слуг. Она вошла. Хрупкая. Нежная. Беззащитная. И прекрасная, как ураган в миниатюре. По крайней мере, именно такой, он ее видел.

– Владыка Войны и Империи Битвы, Рагна – торжествен-

но прокричал церемониймейстер.

И она целенаправленно шагала к своему креслу. Но сделав несколько шагов, она замедлила шаг, напряглась, а потом и вовсе остановилась, смотря в пустоту. Ее нос предательски защекотал знакомый шлейф – табак и вишня. Она замерла, повернула голову и уставилась прямо на *того самого* ушастого, о котором так много думала утром, в купели.

На ее лице расцвело чистейшее отвращение.

– Ты? – коротко и ясно.

Элентуар лишь молча кивнул, не в силах издать и звука, плененный ее видом – разгоряченной и смертоносной.

Инстинктивно он ринулся встать, чтобы поприветствовать ее должным образом, но она резко, как удар хлыста, бросила:

– Сидеть!

И он остался на месте, немного ерзая и продолжая жалобно смотреть ей в глаза.

Она медленно отвела взгляд. Хмуря брови и напрягая память, зашагала дальше во главу стола переговоров. Где-то она видела его портрет... не только в таверне. Он был ей знаком. Она села на стул, снова прилипнув к нему глазами, напряжение в воздухе нарастало. Пошли шепоты.

Церемониймейстер, решил разбавить напряженную паузу, вытянувшись в струнку, он прокричал, напряженным го-

лосом, пробившим гулкую тишину зала переговоров:

– Её сиятельство, Владыка Войны и Империи Битвы, Рагна, приветствует, Его Сиятельство, Элентуара из рода Звездных Ветров, Владыку Магии и Изумрудного мира на совете о торговых договорах миров!

– За битвы и славу! – хором поприветствовали придворные Рагны.

Но неловкая нота ни куда не испарилась. В наступившей тишине, нарушаемой лишь потрескиванием факелов, Рагна неловко спросила:

– Владыка Элентуар. Как добрались? Как вам мой замок? – её голос был немного растерянным, но в глубине зелёных глаз тлела искра понимания странности вопроса.

Элентуар поднялся с изящным поклоном, и его движения были полны неприличной для переговоров грации. На его лице, подчёркнуто бледном на фоне идеально белых волос, цвел сочный синяк, а уголок губы был слегка разбит.

– Благодарю, прекраснейшая Война. Я ценю Ваше гостеприимство, я и мои спутники, остались довольны, – его бархатный, низкий голос обволакивал зал. – У вас прекрасные лазареты. Много света и воздуха.

– Значит «всё» понравилось? – Рагна начинала закипать, растягивая слово, двусмысленность ее бесила. – Полагаю, небольшие недоразумения не омрачат наши переговоры?

Он же смотрел на неё с таким неммым восхищением, будто

она не злилась, а читала стихи. С глазами, полными неземной любви и откровенного безумия, Владыка Магии объявил:

– Ни сколько! Я готов принять от вас даже смерть – он сделал паузу, – Ваша красота... – он осекся, видя, что слово не имеет для нее должного ракурса – То есть ваша доблесть и сила безусловны. – глаза Рагны стали мягче и явно осознаннее. – Могу я просить приватной встречи? – Последнее предложение сменило всю гамму ее переходящих чувств на ярость.

Рагна нервно сплюнула в сторону, целясь в трещину между плитами. В зале ахнули эльфы, ее стража сжала мечи.

– Смерть? Встреча? Что ты несешь, Владыка, ты решил оскорбить меня в моем доме? – прошипела она так, что у стоящих рядом эльфов побелели не только кончики ушей, но и лица. Она все еще сдерживалась, напоминая про себя, что этот ушастый распоряжается лучшими артефактами и лучшей магической рудой во всех мирах, и это нужно ее людям для битв и славы.

Но он парировал её стальной взгляд подкупающей, пугающей искренностью.

– Я прошу лишь короткой встречи. Приватные переговоры, в любом удобном для вас месте и в любое время – Рагну передернуло.

– Ты помнишь зачем ты здесь, тебе голову отбили? Позовите лекаря! – голос её дрогнул от напряжения. Эльф явно был не в себе. Пара слуг метнулись из зала в поисках лекаря.

– Не стоит, я владею магией исцеления! Но всегда хочется оставить память о любимом человеке – он провел рукой по разбитому уголку губы – Вчера, я уверен, что не только я почувствовал, сама судьба...

– Не вздумай это произнести вслух – она его резко перебила его, а её попытки сдерживаться трещали по швам.

И вид его сияющего, абсолютно счастливого лица переполнил чашу её терпения. Рагна резко поднялась со своего кресла. Гулкие шаги, отдававшиеся под сводами, заставили зал замереть. Она приблизилась к нему, и Элентуар инстинктивно отпрянул, опустившись на свое кресло под её немым напором. Затем она с силой поставила ногу между его ног, чудом не задев нечто драгоценное, и наклонилась так близко, что губы почти коснулись его заострённого уха.

– Ушастый, – прошептала она, и жар её дыхания опалил его кожу. – Что происходит? Играешься с алхимией?

Его уши моментально стали ярко-красными, будто две спелые вишни. И тогда, отбросив все мысли, приличия и инстинкт самосохранения, Элентуар повернул голову и... нежно прикоснулся губами к её прекрасному уху.

В зале переговоров разом выдохнули. Скрежет отодвигаемых стульев заполнил пространство. Эльфы из его свиты, бледные как полотно, начали отползать, отходить, прятать-

ся за дверьми и прикрываться дипломатическими папками, словно это были боевые щиты. Пространство вокруг них резко пустело.

Рагна застыла. Она сглотнула. Медленно поворачивая к нему голову. В её глазах бушевала буря из чистейшей ярости, шока и полного непонимания происходящего.

– Я убью тебя, – прозвучало тихо, но с такой леденящей душу чёткостью, что даже воздух, казалось, замер.

Элентуар, с сияющими глазами и пылающими ушами, испуганно ответил, словно она только что призналась ему в любви:

– Это же классика! Бьет, значит любит!

– Я. Убью. Тебя, – повторила она, и её пальцы сжались в кулаки.

– У нас будут чудесные дети! – продолжил он с тем же восторгом, глядя на её искажённое яростью лицо. – Они будут прекрасны, как ты, мое небо!

И она ударила его. Кулак со всей дури обрушился на его несчастную левую щеку. Но на этот раз Элентуар был готов. Он лишь откинул голову, приняв это как дар. С легким, почти изящным, хлюпающим звуком, выплюнул на каменный пол пару белоснежных, идеальных зубов. Они весело подпрыгнули.

Его спутники ахнули в унисон. А Элентуар... улыбнулся

ей. Широкая, беззубая, блаженная улыбка озарила его окровавленное лицо.

– Ты моя Аэлендиэль, – просипел он, немного откашлявшись, и в его глазах плясали звезды. – И это не оспоримо... и прекрасно.

Рагна отшатнулась от него, как от чумы. В ее взгляде впервые за всю сознательную жизнь мелькнул неподдельный, животный страх. Эльфы были те еще психопаты.

– Ты?... я что? – выдавила она, чувствуя, как почва уходит из-под ног. – Что за хренью он меня назвал? – она обернулась к Моргену ища поддержки, как в детстве.

Морген, седовласый генерал, выдавший за свою долгую жизнь всякое, стоял спокойный как полотно безмятежного озера. Он тяжело вздохнул, глядя то на свою повелительницу, то на блаженно улыбающегося эльфа.

– Владыка, – начал он, тщательно подбирая слова, будто ступая по тонкому льду. – «Аэлендиэль»... Это древнее эльфийское понятие. Дословно его можно перевести как... «Звёздная Возлюбленная». Или «Обещанная Звёздами». Все расы называют по разному, но вам более известно под словом...

В зале повисла гробовая тишина, которую не решался нарушить даже скрип доспехов.

– Зов – закончил Морген

Ее лицо постепенно теряло остатки цвета. Страх медленно, но верно начал сменяться новой, всепоглощающей яр-

стью. Яростью загнанного в угол зверя, против которого использовали оружие, не поддающееся пониманию.

– То есть, – её голос прозвучал тихо и опасно, – этот... этот ушастый псих... у него ко мне чувства, зов, звезды, как у владыки?

– Да – четко подтвердил Морген.

– Не алхимия, не магия и не проклятье, это Судьба, она лично произнесла наши имена! – утвердительно сказал Элентуар, смотря на нее с обожанием. – Твоя красота, твоя... покладистость... вне всяких сомнений, ты создана для меня.

Один из его спутников, старый эльф, непроизвольно поднес палец к виску и сделал классический жест покрутив пальцем у виска: «Шарики за ролики». Все в зале, включая Рагну, мельком заметили это. Выводы напрашивались сами собой: даже для эльфа происходящее выходило за рамки здравого смысла.

Она резко убрала ногу и сделала шаг назад. Рука сама собой сжалась в кулак... но удар так и не последовал. Она просто стояла, словно потеряв фокус реальности, с глазами, в которых бушевала целая вселенная из гнева, паники и полнейшей, абсолютной потери ориентации в пространстве.

А Элентуар сидел перед ней, улыбаясь своей беззубой, счастливой улыбкой, с пылающим лицом, окровавленным подбородком и явно готовым к подвигам сердцем.

– Ладно, – выдохнула она, дыша как после битвы, отступая еще, будто совершая побег. – По поставкам договорим-

ся вечером, в той же таверне. Будет тебе встреча. Этого... – она мотнула головой в сторону Элентуара, – умалишенного, в рот ему ноги, накормить и вылечить. У меня дела.

Она развернулась. И твёрдым, быстрым шагом, вышла из зала, не оглядываясь. Впервые совершив самый настоящий побег с поля боя.

Элентуар смотрел ей вслед с щемящей обидой. Не могло быть, чтобы она ничего не почувствовала! Конечно, он не столь прекрасен, как это дикое, хрупкое солнце... но он создан для нее, неужели она не видит?

Грусть, тяжёлая и влажная, накатила на его плечи. Он механически вытер тыльной стороной ладони струйку крови, сбежавшую с подбородка. И ему стало вдвойне грустно, что кровь была только его. Он бы с таким же восторгом носил и её кровь на своём камзоле, это был бы бесценный дар, знак близости. А так... придётся отстирывать.

Он медленно поднялся, игнорируя шёпот своей делегации и панические взгляды придворных Рагны. С достоинством, на которое только был способен человек с выбитыми зубами и фингалом во все лицо, Владыка Магии вышел в отведённые ему покои. Вечер, значит вечер.

Продолжаем

Элентуар сидел в гостевых покоях перед огромным зеркалом в позолоченной раме, раздумывая, стоит ли возвращать зубы на место. С эстетической точки зрения – безусловно. Но

с сентиментальной... эти пустые десны были таким трогательным напоминанием о ней. Вздохнув, он все же щелкнул пальцами. Раздался противный, влажный хруст, и два новых, безупречных зуба заняли свои места в его улыбке.

Его гостевые покои были обставлены в строгом соответствии с эльфийскими канонами красоты: воздушные шелка на стенах, изящная мебель из светлого дерева с золотой инкрустацией, повсюду – каскады редких растений, в чьих ветвях порхали крошечные, поющие птицы из чистого света. Все было безупречно, гармонично и... бездушно, дань его природе. Элентуар чувствовал себя здесь неуютно. Ему хотелось увидеть *ее* дом, настоящий, пахнущий жизнью, ее жизнью.

Он закрыл глаза. Его сознание, наполненное магией, отделилось и помчалось по каменным коридорам замка, как невидимый ветерок, скользя мимо зевающих стражников и тяжелых дубовых дверей. Он заглядывал в каждую щель, в каждую бойницу, жадно ища ее, ее логово.

И он нашел. Комнату, больше похожую на арсенал после землетрясения. В воздухе висел стойкий коктейль из перегара, пота, крови и подгнивших фруктов. На стенах – засечки от клинков и тактические карты, испещренные гневными пометками. В углу сундуки с доспехами и не закрывающимися крышками, а на полу лежали осколки разбитого кувшина, сметенные в кучу. Это было прекрасно.

Но ее там не было. Он продолжил поиски, следуя за зве-

нящей нитью ее аромата, и нашел ее в самой высокой башне, у какого-то облезлого старика-чародея.

Она что-то злобно шептала своим хриплым, ангельским голосом этому старику.

Рагна была в ярости. Она пришла к своему магу с одним требованием – понять, что с ней творится. Наверняка, какое-то мерзкое воздействие этого остроухого извращенца! Она шипела на мага, тыча пальцем в свой собственный висок:

– Пенгасиус, – так звали мага – найди причину, по которой я, блять... – она осеклась. Вдруг резко замолкла, переведя взгляд в пустой угол. Ее глаза сузились. Молниеносным движением она схватила в воздухе что-то маленькое, невидимое. Дух-шпион с писклявым хрустом лопнул в ее могучей хватке.

– Вот видишь? – прорычала она, показывая магу испачканные в плазме духа пальцы. – Я чувствую его! Чувствую, черт побери! Да в рот тебе ноги, Пенгасиус, сделай же что-нибудь!

Связь с духом в покоях Элентуара оборвалась. Так он и не узнал, какие же проблемы мучают его маленького ангела и почему она пошла к какому-то низкосортному мангу-самоучке, вместо того чтобы обратиться к нему – профессионалу с безупречной репутацией и самыми лучшими намерени-

ями.

Он резко встал со стула, и его белоснежные волосы взметнулись за ним прекрасным, почти театральным шлейфом. Он вышел в коридор, где у дверей замерли двое стражников в латах Империи Войны. Она явно не хочет признавать очевидного. Его переполняла паника, надо что то сделать, но что?

Рагна

Оставив Пенгасиуса искать решение проблемы, Рагна отправилась в Зал Маневров и Тактики. Там царила деловая атмосфера. Здесь, в помещении, больше похожем на гигантскую песочницу с настольными макетами гор, крепостей и передвижными отрядами из олова, шло совещание по новым землям гидр и обсуждались новые назначения. Она сидела, откинувшись в своем кресле, слушала доклады генералов. Те представляли ей особо отличившихся воинов, чьи подвиги уже обрастали легендами.

Особый интерес вызывал доклад о Прибрежном фронте, у границ с Гидрами. Там, море периодически изрыгало из своих глубин этих больших, ядовитых тварей. Прибрежные города веками держали оборону, а мясо этих монстров, как ни парадоксально, после правильного приготовления считалось нежнейшим деликатесом и составляло львиную долю экспорта. Генерал с седыми усами, указывая на макет портового города, зачитывал:

– ...и за последний месяц отбито семнадцать атак. Потери растут. Улов... то есть, трофеи – тридцать семь голов. Мясницкие гильдии довольны, доход в казну...

И тут нос Рагны снова уловил тот самый, ненавистный и назойливый запах – табак и вишня. Она настороженно замерла, а затем начала медленно, осматривать помещение, ища источник. Ее взгляд скользил по затемненным углам, балкам под потолком.

Генерал, заметив, что Владыка его не слушает, а смотрит куда-то поверх его головы с убийственным подозрением, запнулся и тоже настороженно начал оглядываться.

Рагна резко перевела на него свой взгляд.

– Я тебя прервала? – прозвучало ледяным тоном.

– Н-нет, Владыка! – генерал выпрямился и, проглотив комок, продолжил, стараясь не смотреть по сторонам. – Мясницкие гильдии довольны, доход в казну увеличился на...

Но Рагна уже не слушала. Ее пальцы нервно барабанили по подлокотнику кресла. Она знала, что он где-то здесь. Невидимый. И вынюхивает. Этот навязчивый ушастый эльф не даст ей спокойно планировать завоевания и дегустировать новые сорта боевого пива.

«Я не какая-нибудь раскрасневшаяся девица, чтобы бегать от него по замку» – подумала она.

И тут её взгляд упал на подлокотник её массивного дубо-

вого кресла. На нём лежал кинжал. Он появился абсолютно из ниоткуда, бесшумно и мгновенно. Кинжал был чёрным, как сажа, и казалось, вбирал в себя весь окружающий свет. От него исходил тот самый, уже опознанный и ненавистный аромат – горьковатый табак и приторная вишня.

Рагна осторожно, как боевую змею, взяла его в руку. Рукоять кинжала была на удивление тёплой и гладкой. Она тут же его опознала – Оружие Аидрилы, Владыки Смерти. Легендарная вещь смерти. Даже царапина от него будет заживать месяцами. Подарок, от которого у любого правоверного воина потеплело бы на душе. Дорогой, практичный и смертоносный.

Рядом с кинжалом появился свёрток из тончайшего пергамента. Развернув его, она увидела надпись, выведенную серебряными чернилами с завитушками, которые сами по себе были оскорблением для её спартанского взгляда:

«Я жду вечера, любимая.»

Рагна сплюнула. Плевок звучно шлёпнулся в пол. Затем она ловко прокрутила кинжал в руке и пригвоздила им записку к подлокотнику своего стула. В зале наступила тишина.

– Продолжай доклад – ровным голосом сказала она – Через пару дней, я выступлю с небольшим отрядом на прибрежный фронт. – Её пальцы ласково погладили кинжал. Она вытащила его и снова прокрутила. И наконец, на её лице расцвела широкая, довольная ухмылка.

«Ну что ж, – подумала она, с наслаждением воображая, как вонзит свой новый кинжал в горло какому-нибудь очередному врагу. – Этот ушастый, конечно, псих ... но умеет заинтересовать девушку.»

Она с сожалением вставила кинжал в маленькие ножны на бедре. Негде опробовать. И снова посмотрела на слетевшую на пол записку. Мысль о том, чтобы её подобрать, даже не мелькнула. Но кинжал... кинжал был действительно хорош. Возможно, вечер будет не таким уж и невыносимым. Особенно если она придумает, как незаметно подсыпать ему в вино слабительное из запасов дворцового конюха.

Свидание

Ужинала она почти всегда в таверне. В той самой. О чём и сообщили эльфу коротко и без объяснений. Элентуар не удивился и не стал задавать вопросов. Почему-то его ангела тянуло в эти, пропахшие пивом и потом свинарники. Видимо, так проявлялась её нежная, романтическая натура.

Он наряжался весь оставшийся день и к вечеру, наконец, был готов. Облачённый в струящиеся серебряные одежды, расшитые лунными узорами, он был похож на драгоценность, случайно закатившуюся в кузницу. Его белоснежные волосы были убраны с изысканной небрежностью, а на поясе поблёскивал изящный кинжал – скорее аксессуар, чем оружие. И он отправился в логово своей возлюбленной.

На улицах города Войны уже стемнело, но жизнь не затихала. Город был пьян, агрессивен и счастлив. Где-то хрипло

пели боевые песни, где-то соревновались, кто быстрее опустошит бочку эля, а из-за угла доносились весёлые крики и звон разбиваемых стульев – шла душевная, братская драка.

Таверна «Свинцовый вебрь» встретила его внезапно наступившей тишиной. Стоило ему переступить порог, как гул голосов, смех и звон кружек разом смолкли. Десятки глаз уставились на это сияющее видение в его лице. И в центре этого хаоса, за лучшим столом, спиной к стене, сидела *она*. В той же потрёпанной кожаной броне, попивая из глиняной кружки вино, которое здесь, наверное, использовали и для питья, и для чистки доспехов.

«Божественна,» – пронеслось в голове Элентуара. *«Она – воплощение дикой, нетронутой красоты, шедевр, созданный из грома, стали и презрения ко всем условностям.»*

Он прошел под пристальными взглядами и сел напротив в гробовой тишине. Рагна лениво махнула рукой, и таверна, словно по мановению волшебной палочки, снова ожила, вернувшись к своим делам. Эльф перестал быть диковинкой; раз Владыка разрешила – значит, так надо.

– Битв и славы, любимая – поприветствовал он ее.

– Битв и славы – стало ответом, – ты пришёл один, – констатировала она, отставив кружку и проигнорировав слово «любимая».

– На свидании с тобой, мне помощники не нужны, – ответил он, глядя на неё с обожанием.

– Свидание? Думаешь, справишься? – её голос уже был

густым и мутным от выпитого.

– Я уверен, что в любом случае останусь доволен, – сказал эльф с лёгкой улыбкой. – Ведь моя Аэлендиэль необыкновенна.

Рагна икнула и, с выражением человека, слушающего бред тяжело больного, сделала ещё один глоток. Желания спорить небыло.

– Ну, главное, что ты сам в это веришь, – с тяжёлым сарказмом протянула она. – Я тебе прям завидую. Полюбить такую... «очевидную красоту». Ну что ж, за безупречный вкус!

Она опрокинула кружку, выпив залпом. Когда она с грохотом поставила пустую кружку на стол, ей показалось... или эльф уже сидел чуть ближе, чем до этого? Она налила себе ещё, не предлагая ему, и махнула рукой:

– Хозяин, мяса неси и вина!

Одноглазый Циклоп у стойки, напоминавший оживший утёс, метнулся на кухню с проворностью, не совместимой с его габаритами.

– Ну, рассказывай, Владыка, – продолжила она, отламывая кусок от мяса и грустно вглядываясь в пустую кружку. – Что там у тебя со свистом в ушах? Или зовом?

– Это не свист, – мягко поправил он. – Это... музыка. Гармония, которую я искал всю свою долгую жизнь. И источник её – ты.

– Музыка, – фыркнула Рагна. – Может это после того уда-

ра кружкой? – она икнула – И что же эта твоя «гармония» тебе играет?

– Что мы созданы друг для друга. Что наши души – две части одного целого. Что даже твоё желание ударить меня – это лишь... своеобразная форма ласки.

Рагна смотрела на него, медленно пережёвывая кусок хлеба. Подошедший циклоп водрузил перед ней поднос с большими кусками прожаренного мяса и двумя бутылками вина.

– Знаешь, ушастый, у нас тут все по жесткому. Ты уверен, что твой «зов», ну... не перепутал дверь? Может, он предназначался какому-нибудь милому, пушистому созданию, которое будет ворковать тебе в ушко, а не пытаться вставить туда бутылку? – она откупорила бутылку его подарком. – но за кинжал спасибо, он офигенный!

– Я никогда ещё не был так уверен ни в чём, – заявил Элентуар с фанатичным блеском в глазах. – Ты... ты – это буря. И я готов быть тем деревом, о которое эта буря будет ломаться снова и снова, пока мы не срастёмся в одно целое.

Рагна откинулась на спинку стула, издав звук, средний между смехом и стоном.

– Ну у тебя и сравнения.

Она опрокинула очередную кружку, с грохотом поставила её на стол. Её взгляд, затуманенный хмелем, сфокусировался на эльфе. Она снова заметила, что он сидит ближе. Вне-

чале он был строго напротив, потом как бы сместился чуть в сторону, а теперь между ними и стулом едва ли можно было протиснуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.